

\* \* \*

Ползал я, ползал,  
По седлу с серебряной оковкой

я ползал...

Падал я, падал,  
На потник, пропахший конским потом, я падал...

Бегал я, бегал,  
Вокруг родного кочевья от дедовской палки  
я бегал...

Плакал я, плакал,  
Обжѣгшись зелёной крапивой,  
я плакал...

Думал я, думал,  
Почему крапива — трава, а жжётся так больно,—  
долго я думал...

Вырос я, вырос,  
Среди полевых цветов, на земле каменистой  
я вырос...

Я удивлялся,  
        глядя на синее небо,  
                                на белые горы,  
                                на быстрые реки...

И до сих пор я живу тем удивленьем.

## ЛЮДИ

Люди — не гвозди.  
Не доски.  
Не шурупы и не машины.  
Не цветы и не боги.  
Просто — люди.  
Они — несравнимы.  
Небо,  
Яблоко,  
Птица  
Могут с чем-то сравниться.  
Можно новое имя  
Придумать всему на свете.  
Но ни с чем не сравнимы  
Женщины, и мужчины,  
И весёлые дети.  
Ходят люди, как чудо,  
И мечтают о чуде.

Кто они и откуда —  
Несравненные люди?

*Перевод Станислава Куняева*

## ЖАВОРОНОК

В нагретой и сухой траве  
лежу в степи. Прошла усталость.  
Где же певец! Где эта малость,  
трепещущая в синеве!  
Вот проблеснул — я вижу точку.  
Теперь возьму тебя я в толк.  
Вот сделал петельку, вот «бочку»,  
вот крылышки сложил, умолк,  
и падает, и снова кружит,  
и замирает, и поёт,  
и петельки незримых кружев  
себе плетёт, плетёт, плетёт...  
Он неба малая частица,  
все песенки его просты,  
и я, лежащий, с высоты  
ему кажусь парящей птицей.  
Ах, жаворонок! Для того,  
чтоб так парить и в небе стынуть,  
мне надо землю опрокинуть —  
пожалуй, только и всего.  
Он в небе исчезает снова,  
и песня сыплется дождём,  
и я не знаю, для какого  
полёта я на свет рождён.  
Свяжу ль невидимый узор  
и птичье повторю круженьё!  
Лежу — безмолвный, без движенья  
в степи — и руки распростёр...

*Перевод Владимира Леоновича*

\* \* \*

На берегу речушки Белая Лошадь  
В маленькой больнице сельской  
Ты молчишь и слушаешь клёкот  
Больного человеческого сердца.  
А на меня весною повеяло —  
Это «Танец огня» Равеля.  
А за окнами плачет весна,  
Каплют слёзы с веток сирени...  
Я вспоминаю твои глаза,  
Задумчивые по-оленьи.  
Твои руки — добрые, властные.  
Твои губы — тёплые, влажные.  
Но надолго тебя не представишь —  
То появишься, то растаешь.  
Начертать на небо тело твоё?  
Но ведь небо меняет цвета.  
Начертать на волнах лицо твоё?  
Но ведь убегает вода.  
Написать имя на камне плит?  
Но ведь холоден камень нефрит.  
Нет, никак для тебя  
Образа не найти,  
Лучше поглядеть на тебя,  
Лучше к тебе прийти.

\* \* \*

Блещет, как зеркало, светлый Байкал,  
А кругом тишина.  
Словно небо, раскинулся мирный Байкал, —  
И проходят года...

И по глади зеркального моря Байкал  
Моя лодка скользит.  
Вся природа, словно от Первого дня,  
Первозданно чиста.

Белоснежные шапки Тункинских гольцов  
Громоздятся вдали...  
Я пою — умывается сердце моё,  
И светло на душе...

*Перевод Станислава Куняева*

\* \* \*

О цветы —  
Голубые подснежники,  
Бамбагаа и линхуа,  
Где вы взяли свет,  
Чтоб подсвечивать  
На подножьях из трав и мха?  
О цветы,  
Пурпурные,  
Синие,  
Как мне тайну вашу открыть?  
Где вы взяли такую силу —  
Грусть рождать  
И радость будить?  
О цветы,  
Подарки земли,  
Дети вольной несломленной воли,  
Расскажите,  
На чём вы взошли?  
На костях наших предков,  
Что ли?  
Вот стоите вы,  
Тонко светясь.  
Вы похожи  
На доброе «Здравствуй!»  
Если вы так прекрасны сейчас,  
Видно, предки  
Были прекрасны...

\* \* \*

В летний полдень, гуляя,  
я увидел внезапно  
на самом краю тротуара,  
самом-самом краю,  
мощное проявление  
природы, рвущейся в завтра,  
природы, всегда находящейся  
с тем, что мешает, в бою.  
Я очень долго смотрел  
и очень долго стоял там.  
Я думал и о поэзии.  
Прекрасен он был и суров —  
пучок травы, разорвавший  
глухую толщу асфальта,  
взошедший навстречу жизни  
как отклик на вечный зов.

*Перевод Евгения Евтушенко*

\* \* \*

Затянувшийся дождь,  
задержавшийся гость  
Одинаково надоедливы...  
Третий день подряд сеет мелкий дождь,  
Зарождая тоску в груди...  
Море хмурится,  
и грустна тайга...  
И тоска в груди...  
Третий день подряд  
сеет мелкий дождь,—  
«Мочится гуран».

Затопить бы квадратную русскую печь,  
Отдохнуть бы прилечь...

Но стеснило грудь,  
и сосёт тоска...

Кто зовёт меня?

Дальние дороги меня зовут  
Иль друзья пришли?  
Третий день подряд  
сеет мелкий дождь,

Наводя тоску...  
Отсырели дрова,  
и шипят, и чадят —

Холодно в избе...  
Отсырела постель,  
и матрас сырой —

Некуда прилечь...

## СЭСЭГ

Тебя не стало  
В лунную ночь,  
В разгар сенокоса,  
Сэсэг,  
Железом подкошенная,  
Как сноп,  
Ты ушла, Сэсэг.  
Просыпаюсь и вижу,  
Как я одинок,  
И слышу тебя,  
Сэсэг.  
Слышу,  
Как тает голос твой,  
Уходит в горную даль.  
Ты стала эхом и тишиной,  
Криком осенних стай.  
Ты стала туманом,  
Звуком, звездой, —  
Но пролетят года,  
И я унесу тебя с собой,

Когда уйду в никуда.  
Ты помнишь  
Гору Эреэлжэ,  
Оранжевые цветы?  
Вечно буду помнить в душе,  
Как хохотала ты!  
Как токовали тетерева,  
Как бормотал ручей,  
Как заливалась смехом трава  
Под ногою твоей...  
Но ты хохотала  
Звончее всех,  
Звончее птиц и цветов,  
Я не забуду этот смех,  
Этот далёкий зов.  
В лунном сиянии пела ты —  
Песнь летела в луга.  
Разве гадала, думала ты,  
Что разлука близка?  
Не наречённая никому,  
Вольная, как трава,  
Пела,  
Глядячи на луну,  
Неведомые слова.  
Вижу,  
Как на крутой скале  
Плещет твой сарафан,  
Рядом с берёзой в белой коре —  
Твой изогнутый стан.  
Синее небо над головой —  
Слышишь крик журавля?  
Всё, что любила ты,—  
Рядом с тобой,  
Только нету тебя.  
Так упади же в синюю гладь —  
Слушай вешнюю трель  
В час,  
Когда уйдет за Хангай  
Сверкающая метель!



В час,  
Когда в журчащей реке  
Омуль блеснет со дна  
И на оранжевом нашем цветке  
Поставит печать весна.  
С часа того,  
Как ты ушла,  
Всё так же прекрасен мир,  
Диким цветком опять расцвела  
Яблоня Улир.  
Всё так же,  
Всё так же прекрасен цвет,  
Всё так же багульник синь.  
Но нет рядом тебя, Сэсэг,  
А ты — это юность и жизнь.  
На всё,  
Что ново на этой земле,  
Твоим взором смотрю.  
На всё,  
Что старо на этой земле,  
Твоим взором смотрю.  
С каждой весной  
Всё ближе смерть,  
Но ты — молода навек.  
Твоими глазами  
Хочу смотреть  
На каждый новый рассвет.  
А журавли летят и летят —  
Имя твоё кричат.  
Подруги твои  
На крыльце сидят,  
О тебе говорят.  
В жизни моей  
Блеснула ты  
Мгновенно, словно звезда,  
В небе моём  
Мелькнула ты —  
Чтобы пропасть навсегда.  
Нераспечатанное письмо...

И не узнать вовек,  
Что там,  
Зачем,  
Для кого оно,  
Юность моя,  
Сэсэг.

*Перевод Станислава Куняева*

\* \* \*

В комнате тёплой, где много  
самых разных игрушек,  
где много картин красивых  
и вкусных конфет — ирисок,  
среди самых разных сказок,  
сказок весёлых и грустных,  
сидит, распустивши волосы,  
сказка моя — Ирина.  
Беззвучно течёт Таганка  
Сквозь все огни и афиши.  
Холодной водою асфальта  
течёт она длинно-длинно.  
Оркестр каменный города,  
Прошу тебя, тише, тише.  
Иринина улица дремлет.  
Уснула моя Ирина.

*Перевод Евгения Евтушенко*

\* \* \*

Много горького горя  
Мама пережила,  
Словно большое море  
Не спеша перешла.  
Я в сравнении с мамой —

Покоритель ручья.  
Это, конечно, мало,  
Но всё-таки понял я,  
Что драгоценные вещи,  
Деньги и сундуки,  
Мама, увы, не вечны,  
От истины далеки.  
Где божки золотые —  
Статуи в серебре  
С ликом хана Батья? —  
Где-нибудь в Селенге<sup>1</sup>,  
Где-нибудь под землёю —  
А земля глубока,—  
Где-нибудь под водою  
Голубого Хилка.  
На белой волне пространства  
Улететь не хочу!  
Ветру повиноваться  
Однодневному — не хочу!  
Глупое сердце людское —  
Мой негасимый очаг.  
Синее небо родное  
Вечно в моих глазах.  
У очага родного  
Вижу истины свет,  
Нежностью сердца людского  
Я навсегда согрет.

*Перевод Станислава Куняева*

\* \* \*

Вечером грудастые тучи  
Задевают тугими сосками  
Лиственниц зелёные губы  
У потемневших оград,

---

<sup>1</sup> Селенга — река, протекающая в Монголии и Бурятии. У бурят был обычай бросать статуи божков в воду.

И девушка, вдруг притихшая,  
С голубыми большими глазами,  
У самого сердца тревожно  
Шепчет мне:  
«Будет град».  
Берёза с корою белой,  
С первой листвою клейкой  
Что-то шуршит неясно.  
Мне слышится:  
«Будет град».  
Птица забыла песню  
Над нашей зелёной скамейкой,  
Прикрыла глаза игрушечные  
И съёжилась:  
«Будет град».

*Перевод Евгения Евтушенко*

\* \* \*

Дунул горячий ветер  
В зарослях кедрача.  
Вздрогнул могучий кедр,  
Заяц дал стрекача.  
Эхо отозвалось,  
Покатилось в тайгу,  
Пёстрому дятлу пришлось  
Замолчать на суку.  
Но промелькнула тень,  
Вновь наступил покой...  
Самолёт пролетел  
Над вековой тайгой.

Я спросил, обращаясь к весенним цветам,  
Над которыми красное солнце восходило:  
— О цветы бамбагаа, известно ли вам,  
Неужели погаснет золотое светило?  
Неужели отец тридцати трёх планет  
Превратится в холодный, безжизненный камень?  
Неужели исчезнут закат и рассвет  
И Земля в темноту и безмолвие канет? —  
Бамбагаа, в молчаньи склонясь до земли,  
Головами под ветром спокойно качали,  
Подтверждали молчаньем вопросы мои,  
Подтверждали, но всё-таки не отвечали.  
И тогда у сверкающих звёзд я спросил:  
— Братья звёзды, скажите, неужто рокочет  
Ваше сердце в предчувствии жизненных сил  
И такое же Время над вами грохочет? —  
Запрокинув лицо, я на звёзды глядел,  
Слушал музыку сфер, слушал медленный рокот,  
Но куда-то в пустое пространство летел  
Мой безмолвный вопрос — полукрик-полушёпот.  
В темноту,  
                                в мирозданье,  
  в безгласную ночь  
Улетал и навек пропадал безвозвратно.  
Видно, было ему не по силам, невмочь  
Всё понять и ко мне возвратиться обратно.  
Но осталось в глазах у меня навсегда:  
Мимолётным виденьем, прекрасным и странным,  
Темноту рассекая, срывалась звезда,  
Пролетала и гасла намёком туманным.

## ПОЭТ

Я — холмик в степи.  
Я каждое новое утро  
Встречаю цветами.  
А если не буду цвести,  
Наступит пора моего увяданья  
И дети к подножью  
Забудут прийти.

Я — древний кувшин.  
Я молочного полон вина.  
Берите и пейте до дна!  
А солнечным утром  
Я наполнюсь опять.  
Иначе я буду  
Ни к чему не пригодным сосудом.

Я — шарик стальной  
С отливом холодным и синим.  
Я порохом полон.

Не должно  
Смущать мой покой.  
А кто-то  
Азартно и неосторожно  
Играется мной.

*Перевод Станислава Куняева*

\* \* \*

Мне сон приснился  
под цокот подков,  
под шелесты дождика смутного:  
будто из щелей всех облаков  
капает  
прекрасная музыка.  
Льётся и льётся,

капает музыка,  
льётся снова и снова,  
и, старец уже седовласый,  
самый старый на свете,  
подставляя полу халата,  
длинного,  
голубого,  
я собираю мелодии  
и раздаю их детям.  
И будто я умер,  
и музыка,  
как дождь, мне лицо омыла,  
и вот со всех континентов  
ночью и поутру  
на насыпь моей могилы  
прилетают все птицы мира  
и оставляют на память  
по одному перу...

*Перевод Евгения Евтушенко*